

Интриги истории[^]

История или политика: что происходит на Северном Кавказе, и повинно ли в этом прошлое?

Попыткой ответа на этот и многие другие вопросы как раз и стали проекты, которые на протяжении последних четырех лет выполнялись в рамках программ фундаментальных исследований Президиума РАН коллективом сотрудников Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН.

История как пророчество.

Начну с нескольких памятных примеров вторжения прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь. Один из них связан со скандалом вокруг вузовского учебника (вернее, учебного пособия) «История России. 1917-2009 гг.». Выдержавшее несколько переизданий, мало чем отличавшихся от своей последней версии, 6 сентября 2010 года оно было признано Общественной палатой «книгой, способствующей разжиганию национальной розни». Доказательствами тому послужили публикация на его страницах «непроверенных» статистических данных относительно участия чеченского народа в Великой Отечественной войне и приводимые количественные показатели о еврейском происхождении большинства членов высшего партийного и государственного руководства СССР. На «содержащиеся в учебном пособии сведения экстремистского характера» обратил внимание руководства Чеченской Республики и широкой общественности известный журналист, телевизионный деятель и член Общественной палаты Н. К. Сванидзе. Реакцией Академии наук и Министерства образования Чеченской Республики на тиражирование в учебнике «фальсифицированных данных об участии чеченского народа в Великой Отечественной войне» стало требование предварительного вычитывания всех методических материалов по истории России. Уполномоченный по правам человека в Чечне сообщил о готовящемся им по поводу учебного пособия обращении в суд, считая, что в нем содержатся клеветнические измышления в адрес чеченского народа. Еврейская общественность обошлась без посредников и в лице председателя

Федерации еврейских общин России обратилась к ректору МГУ с просьбой положить конец антисемитской пропаганде и разрешить вопрос о профессиональной пригодности авторов учебного пособия. Скандал закончился общественным и отчасти профессиональным порицанием авторов учебного пособия, изъятием его из продажи и образовательного процесса, а также обозначил две главные проблемы — проблему гражданской ответственности историка и неоднозначности восприятия общественным сознанием тех или иных событий прошлого, которое вновь становится ареной идеологического противоборства.

Другой не менее показательный пример — активизация в преддверии Олимпиады-2014 в Сочи так называемого «черкесского вопроса», связанного с процессом вхождения адыгов Северо-Западного Кавказа в состав Российского многонационального государства и его последствий для черкесского мира в целом. Усилиями активистов общественных организаций и северокавказских ученых достоянием гласности становятся факты «массового геноцида» адыгов на территории проведения будущих спортивных мероприятий. Спорность употребляемого термина «геноцид» по отношению к военным действиям того времени, односторонняя оценка кавказской политики Российской империи, проецируемые на настоящее состояние дел региона, создают нездоровую атмосферу вокруг будущих Олимпийских игр. В свою очередь, идущие в регионе и за его пределами многочисленные научные конференции и круглые

столы, призванные снять остроту «черкесского вопроса», проблемы по существу не решают, приводя общественность лишь к растущей уверенности в фальсификации прошлого.

Разность и глубина восприятия коллективной памятью исторического прошлого, его активное присутствие в общественно-политической полемике при решении спорных вопросов дня сегодняшнего позволяет предположить, что сама память имеет рукотворное происхождение и формируется под воздействием самых разнообразных обстоятельств, одним из которых является профессиональная историография. Именно под ее воздействием произошло коренное переосмысление многих событий, связанных с историей региона, которая и стала со временем восприниматься массовым сознанием архимедовым рычагом для разрешения всевозможных проблем

Досье:

Татьяна Хлынина — главный научный сотрудник Института социально-гуманитарных и экономических исследований Южного научного центра РАН, доктор исторических наук.

Первый тип — «горячий». Память о прошлом постоянно присутствует в жизни народов и все происходящее как бы пропускает через себя. Второй тип — «холодный». Память о прошлом действует избирательно, актуализируясь только при определенных обстоятельствах.

развития Северного Кавказа. Повинна ли в этом историческая наука, судить не берусь. Однако твердо уверена, что отводимая ей роль пророка будущего сыграла с массовым, да и профессиональным сознанием злую шутку. От истории ждут того, чего она в принципе дать не может: она не может воспитывать безусловных патриотов своего отечества и предложить однозначный ответ на вопросы о том, кто виноват и что с этим делать. Говоря словами выдающего медиевиста нашего времени А. Я. Гуревича, она лишь способна предостеречь нас от завышенных ожиданий настоящего.

Общественное осознание. Теперь о том, что действительно может история как наука. Поясню на примере близкой мне советской истории, к каким переменам привели историографические изменения последних двух десятилетий в изучении прошлого народов Северного Кавказа.

С одной стороны, обозначилась группа событий (историографических сюжетов), довольно болезненно воспринимаемых общественным сознанием, с другой — сохраняется огромный пласт истории, как бы застывший в своей неподвижности и практически не вызывающий интереса у исследователей. К событиям первого ряда тяготеют те, которые на сегодняшний день оказались в большей степени связанными с судьбами народов региона, а также признаются таковыми историографией. К ним следует отнести национально-государственное строительство и вызвавшие его к жизни революционные потрясения начала прошлого века, повстанческое движение и репрессии 1930-х гг., участие народов в Великой Отечественной войне, породившее различные формы сотрудничества и противо-

борства советских граждан с идейным противником. Эти события образуют так называемые «проблемные зоны». Они проблемны по причине отсутствия общепринятого согласия специалистов в их оценке, и определяют собою состояние массового сознания народов региона. В свою очередь, сюжетный ряд «застывшей истории» образуют события, не менее важные для понимания советского прошлого народов региона (социалистической реконструкции экономик бывших национальных окраин, культурного строительства, создания социальной инфраструктуры). Однако они не актуализированы современными практиками жизнеобеспечения самих народов, в силу чего остаются на периферии общественного сознания и до определенной поры не интригуют воображение профессионального исследователя. В их историографическом восприятии преобладают суждения нейтрального характера, а основными способами позиционирования выступают констатация свершившегося факта и отнесенность к определенному времени.

Память «горячая» и «холодная».

Отношения истории (исторической памяти) и современности могут иметь разное измерение. Одним из таких измерений выступают предложенные французским историком П. Нора «места памяти». По его мнению, это «всякое значимое единство материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности». Используя это понятие (в котором, собственно, и концентрируется память о прошлом, являющемся «проблемной зоной» историографии), а также предложенную классификацию культур

(«холодных» и «горячих») Л. Стросса, мы разработали условную модель двух типов памяти северокавказских народов. Первый тип — «горячий». Память о прошлом постоянно присутствует в жизни народов и все происходящее как бы пропускает через себя. Второй тип — «холодный». Память о прошлом действует избирательно, актуализируясь только при определенных обстоятельствах. К обществам с первым типом воздействия памяти можно отнести:

Кабардино-Балкарскую и Карачаево-Черкесскую Республики, наличие двух «титовых» этносов в которых провоцирует столкновение двух типов памяти и осложняется синдромом депортированных народов;

Республику Адыгея, где «титовое» меньшинство ощущает постоянную угрозу «утраты национальной идентичности» со стороны русскоязычного большинства и нуждается в не менее постоянном подтверждении своего исторического преимущества;

Республику Северная Осетия-Алания. Актуальной является проблема разделенного этноса и нуждающаяся в исторической легитимации его воссоединения.

Общества со вторым типом воздействия памяти представлены:

Чеченской Республикой, где «жизнь по заветам великих предков» подчинена решению насущных проблем развития этноса;

Республикой Ингушетия, для которой «торжество исторической справедливости», в частности, возвращение Пригородного района и самостоятельное существование, имеет сугубо прагматическое значение;

Республикой Дагестан, где «горная страна» породила «горы памяти», а необходимость сохранения этнического мира отодвинула прошлое на периферию общественного сознания.